

КАВКАЗОЛОГМЭ
Я ЕВРОПЕЙСКЭ
КУПЗЭХЭТ ИЯ VI
ДУНЭЭ ЗЭФЭС

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОЛЛОКВИУМ
ЕВРОПЕЙСКОГО
ОБЩЕСТВА
КАВКАЗОЛОГОВ

SOCIETAS CAUCASOLOGICA EUROP EA VITH COLLOQUIUM

НАРТ ЭПОСЫМРЭ КАВКАЗ БЗЭШІЭНЫГЪЭМРЭ

НАРТСКИЙ ЭПОС И КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

THE NART EPIC AND CAUCASOLOGY

Адыгэ Республик

23—25.VI.1992

Мыекъуапэ — 1994 — Майкоп
Маукоп

Подготовил к печати
член Европейского Общества кавказологов доктор филологических наук
Аскер М. Гадагатлы

Ответственный за выпуск
заместитель Председателя правительства Республики Адыгея

Руслан Г. Хаджебиеков

Рецензенты:

Н. Т. Гишев, доктор филологических наук

Р. А. Ханаху, кандидат философских наук

НАРТСКИЙ ЭПОС И КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского Общества кавказологов

В книге представлены доклады и сообщения, сделанные на VI Международном майкопском коллоквиуме Европейского Общества кавказологов, состоявшегося 23—25 июня 1992 года в Майкопе, столице Республики Адыгея. Она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся Нартским эпосом и кавказским языкознанием. Издание осуществило правительство Республики Адыгея.

Адыгея Республика
23—25 VI 1992

Майкоп — 1992 — Майкоп
Майкоп

ДЭТХЭР — СОДЕРЖАНИЕ — CONTENTS

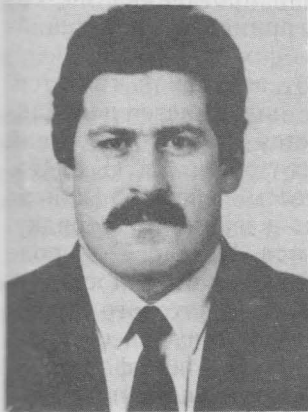
Аслан А. Джаримов. Приветственное слово Президента Республики Адыгея	5
Руслан Г. Хаджебиеков. Открытие коллоквиума	8
Дональд Рейфилд. Слово Президента Европейского общества кавказоведов	10

I

ЛЫХЪУЖЪ НАРТ ЭПОС. ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС. GEROIGE NART EPIC.

Аскер М. Гадагатль. Адыгский эпос «Нартхэр» — многовековая память народа. Состояние и перспективы изучения	15
Малич Г. Аутлев. Нартский эпос и народ	26
Шъхьэлэхьо Абу. Нарт эпосыр лъэпкъ зэхашIэм изыкъэкIопIэшху	39
Шалва Д. Инал-Ипа. Сто детей одной матери (по материалам абхазского нартского эпоса)	48
Михаил И. Мыжей Представления о мире в адыгском героическом эпосе «Нартхэр»	57
Джон Коларуссо. Нарт лыхъужъыр — лIэблан	64
Адыл Абдулсэлам Лашц. Адыгэ нартхэмрэ урым мифологиемрэ	68
Енэмьыко Мэулид. Нарт эпосыр адыгэ культурэм игъозэ шIагъу	73
Виктор П. Федунув. О прометеевских мотивах в адыгском героическом эпосе «Нартхэр»	77
Нух Т. Гишев. Язык певцов адыгского эпоса «Нартхэр»	82
Гучипс Ю. Схаплок. Бытование и исполнение нартских песен в Адыгее	91
Щамсудин Хут, Зарема Хут. Общность жанров нартского эпоса с другими категориями адыгского фольклора	99
Зарема Т. Каряева. Некоторые морально-этические проблемы в осетинском нартском эпосе	103
Туркубий Н. Чамоков. О поэтике героического эпоса «Нартхэр»	108
Мухамед А. Шенкао. Эпос «Нартхэр» в контексте мировой культуры	114
Клара Х. Меретукова. Представление о красоте в адыгском эпосе «Нартхэр»	117
Руслан А. Ханаху. Феномен мудрости в адыгском эпосе	122
Адам М. Гувов. Обозначения цвета в поэтическом языке эпоса «Нартхэр»	128
Сергей Л. Зухба. Нартский эпос в фольклоре абхазов, живущих в Турции	134
Касим Х. Меретуков. О нартской ономастике в адыгейской топонимии	139
Нафсэт М. Цуякъо. Адыгэ гушыIэжъхэр, бгыбзэхэр, шIуфаIохэр	143
Нарт эпосым зэрэхэтхэр	143
Зураб Дж. Джанау. Протогипербола или фантастический атрибут в нартском эпосе абхазов	149
Нурбий Г. Ловпаче. Нартский эпос адыгов и археология	156
Алла Н. Соколова. Нарт пшыналъ в контексте инструментальной культуры адыгов	163
Римма С. Сакиева. Исследователи адыгского эпоса на Кавказе и за рубежом (о Гадагатле и Озбеке)	169
Мухтар А. Меретуков. Отражение древних форм социальных отношений в адыгском нартском эпосе	175
Мариди Ф. Пафова. Пища адыгских нартов	184
Ачердан Н. Абрегов. Проблема генезиса эпоса «Нартхэр» и фитонимическая лексика адыгского языка	189
Галина Г. Тхагапсова. Медицинские мотивы нартского эпоса как отражение лекарского искусства адыгов	193
Пэшъу Ясин Челыккыран. Нарт ыкIи урым эпосхэм афэгъэхьыгъгэ гупшысэхэр	198
Лейла А. Бекизова. Эпическая память адыгов-черкесов в свете проблем литературной диаспоры	200
Асфар А. Куек. К вопросу о существовании злого божества в адыгском пантеоне (На базе адыгского героического эпоса «Нартхэр»)	202
Ибрагим А. Шоров. Народная педагогика адыгов в отражении эпоса «Нартхэр»	211
Ергъукъо Е. Щамсэт. МэщбэшIэ Исхьакъ итворчествэ нарт мэкъамзу хэлъхэр	218
Прения. КъэгъушыIагъэхэр	
Иосиф В. Мегрелидзе (Грузия, Тбилиси)	224
Шалва Д. Инал-Ипа (Абхазия, Сухум)	225
Малич Г. Аутлев (Россия, Краснодар)	225

Мыекъуапэ — 1992. Майкоп — 1992. Маукор — 1992

Зураб Дж. Джапуа
Абхазия, Сухум

ПРОТОГИПЕРБОЛА ИЛИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ АТРИБУТ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ АБХАЗОВ

Выявление поэтико-стилевой специфики нартского эпоса народов Кавказа требует анализа не только известных поэтических приемов, но и более сложных своеобразных художественных явлений. В частности, для понимания масштаба изображения, его характера и стадияльной природы важно выделить и обозреть описания, которые принято считать атрибутивными в своем первоначальном смысле (16, с. 101—110; с. 304—306). Установлено, что такие описания относятся к древним героико-эпическим типам изображения, присущим архаическим памятникам народов Сибири, и, как проявление древности, встречающимся в былинах¹. Они предстают в тесной связи и единстве с собственно гиперболическими описаниями. Это — один взгляд на мир.

Описание, — очень условно — названное нами протогиперболой или фантастическим атрибутом, характеризует реакцию природы на появление и действия эпического персонажа:

«Пар, вырвавшийся из ноздрей коня Сасрыквы, с ног сшибая адауы-великанов, закружился среди них. Бронзовые колокола, которыми был «опоясан» конь, стали издавать такой звук, что земля затряслась, оглохли адауы-великаны, зубры умчались в лес, адауы-великаны сошли с ума, обезумели зубры. Все бросились в глубь леса» (2, с. 438).

Как видно, «обо всех «потрясениях природы» говорится не в иносказательном, а в прямом смысле — таков художественный взгляд на мир» (4, с. 304). Отбор таких фантастических описаний дает следующий круг эпических мотивов.

Появление противника (адауы-великана):

«Внезапно земля затряслась, поднялся невиданной силы ураганный ветер, забарабанил град. Бзоу заржал, Сасрыква мгновенно выскочил.

Оглядевшись, увидел, что к нему скачет адауы-великан на араше (коне), круша все на своем пути» (2, с. 246).

Ср. в абазинской версии эпоса:

«Земля сильно качнулась (сдвинулась). Камень с отверстием тронулся с места. В течение движения ресницы (мигом) недалеко от Сосруко появился и встал огромный айныж» (11, с. 200).

Подобное фантастическое описание появления противника мы находим и в абхазской волшебной сказке. Приведем пример, встречающийся в прямой речи:

«Когда приближается старший (из братьев), вся земля трясется. Когда следом за ним скачет другой (средний брат), поднимается невиданной силы ураганный ветер. А когда приближается третий (младший брат), земля начинает уходить из-под ног, все вокруг рушится» (1, с. 47).

Для этого описания характерна троекратность действий: приезд старшего, среднего и младшего братьев. При появлении, по порядку, каждого из братьев действие еще более усиливается. По своей природе это описание не относится к формулам собственно волшебной сказки. Оно выписано из текста того сказочного сюжета, фабула которого сходна с нартским сюжетом о «мести за предков и героических путешествиях». Следовательно, можно заключить, что наличие в сказках эпико-фантастического описания появления противника вызвано композиционной близостью эпического и сказочного сюжетов и «эпической сущностью» волшебного-героического сказок.

В абхазском нартском эпосе эпико-фантастические описания употребляются применительно не только к одному типу персонажей (к эпическим противникам), а и к ряду других. В частности, они характеризуют действия эпического героя и богатырского коня.

Появление эпического героя:

«Над нартами нависла страшная туча, поднялся ураганный ветер, и половина (братьев) скатилась к забору. Это был пар, вырывавшийся из ноздрей коня богатыря, который отправился в их сторону» (10, с. 336).

Своеобразие фантастического описания появления героя выражается в том, что богатырь в нем представляется преимущественно через гиперболизированный облик своего коня, т. е. по существу, атрибут эпического противника переносится на богатырского коня.

Ср., например, в осетинской версии эпоса описание образа коня безымянного сына Урызмага:

«Когда конь шел, то снег чернел от пыла его рта» (7, с. 172).

Ср. также в адыгской версии описание появления нарта пши Бадиноко:

То, что позади (него) кружится,—
(Это комья) из-под копыт коня,
Что впереди стелется —
Пар из ноздрей коня (12, с. 249).

В абазинской версии эпоса при появлении всадника-богатыря реакция природы образует иную градацию. «Потрясение природы» происходит особым путем; она сжимается, замирает в ожидании богатыря, приостанавливаются все движения в ней:

Земля и небо слились,
Облако придавило землю,
Ни шороха нет, безмолвье,

Ни звука нигде, тишина,
Сосруко глядит сквозь облако:
Впереди его едет всадник остроколенный (11, с. 236).

Иногда описание появления героя в абазинской версии принимает еще более развернутый характер. В таких случаях первая часть формулы («потрясения природы») как бы удваивается. Богатырь появляется только тогда, когда все становится по-прежнему:

«...Туча рассеялась, и дождь прекратился, и солнце взошло снова, и день стал опять хорошим» (11, с. 294).

Мы видим, как атрибутивное по своему значению описание появления эпического персонажа переходит в типическое место. Оно связывается с различными эпическими персонажами и наличествует в разных сюжетных линиях. Утрата атрибутивного характера способствует типизации описания, перенесению его в различные эпические тексты.

Богатырский поединок:

«Деревья, которые попали под их страшное дыхание, до земли склонялись. От начала до конца великого поля слой земли снесли, от их шума землю затрясло, солнце остановилось и смотрело на них» (10, с. 234).

Ср. в абазинской версии поединок Сосруко и Сосранпы:

Из-под ног их летят комья земли,
Комья земли, как птицы, летят над ними,
Комья земли застилают небо,
Пар, исходящий от них, в облака превратился,
Земля стонет от них, пламя от них исходит (11, с. 237).

По сравнению с описанием появления эпического персонажа, описание богатырского поединка демонстрирует иную картину частотности появлений в эпических текстах. Данное описание относится лишь к двум сюжетам. Вместе с тем, мотив богатырского поединка не во всех вариантах встречается в таком словесном воплощении, в каком он предстает в приведенных примерах. Отсюда складывается впечатление, что степень частотности эпико-фантастического описания богатырского поединка зависит от творческого мастерства сказителя.

Богатырский удар:

«Когда он вскочил на коня, такой удар нанес кнутом, что сторбленный престарелый отец нартов, который так далеко жил, затрясся. И вслед за этим, из-за его удара кнутом, такой сильный ветер подул, что нартских арашей (коней) у коновязи как мух раскидало» (10, с. 153—154).

Отличительным признаком употребления описания богатырского удара кнутом является то, что оно наличествует лишь в одной сюжетной линии («месть за предков и героические путешествия») и характеризует образ ее основного персонажа (Щаруана).

Ср. в адыгской версии эпоса гиперболическое уподобление мощи удара кузнеца Тлепша землетрясению:

«Если Тлепш бил по наковальне своим молотом — горы содрогались» (12, с. 194).

Скачка богатыря:

«Некий всадник-герой... скачет, весь гремя. Земля, вылетающая из-под копыт коня, дождем падает, нависла, как туча» (10, с. 158).

Ср. в адыгской версии эпоса описание скачки богатыря Пшибадыноко, передающееся в прямой речи:

Впереди туман клубится,
Сзади птицы-грачи летают,

На спине коня раскинут шатер,
Искры от коня
Обжигают обочину дороги (12, с. 258).

Ср. в осетинской версии эпоса скачку безымянного сына Урызмага: «Изо рта коня выбрасывалось пламя, кругом их расступался и таял снег, так что ехали по черной дороге» (9, с. 24).

В абхазском эпосе такой вид эпико-фантастического описания скачки богатыря относится лишь к определенным сказаниям. Этим и объясняется его слабая частотность появлений в эпических текстах.

Голос богатыря:

«Голос Сасырквы был таким сильным, что он потряс все скалы. Камни, равные целому дому, скатились вниз в ту сторону, откуда помчались дьяволы» (2, с. 258).

Приведенный атрибут образа Сасырквы встречается в тексте одной версии сюжета о «борьбе с противниками». Примечательно, что это описание предстает в единстве с ремаркой сказителя. Так оно уточняется следующим образом:

«Кто знает, так говорили, дад², в старину, что голос Сасырквы был таким сильным. Говорят еще, что сейчас камни, равные целому дому, которые лежат на горе под названием Шоудыд, это те камни, которые скатились от голоса Сасырквы»³ (2, с. 258).

В таких случаях сказитель, как бы «отступая» от художественного смысла, дополняет его реальным «наличным впечатлением» (13, с. 277). Такое явление говорит лишь в пользу специфики протигиперболы или фантастического атрибута (отсутствие иносказания).

Попытаемся показать еще одну существенную особенность анализируемых описаний — их видоизменение. Легко заметить, что некоторые примеры приведенных описаний («богатырский удар», «скачка богатыря», «голос богатыря») уже сопровождаются сравнительными оборотами. И это не случайно. «Описание знамений природы, — замечает Ю. И. Смирнов, — почти незаметно превращается в сравнение между природным явлением и действием героя» (16, с. 103).

Возьмем для примера описание «встречи Сатаней-Гуаши и Нарджхью»:

Как туча, направил «стрелу» свою,
Как молния, она, сверкая,
Как гром, землю тряся,
Стрела, как туча, нависла над миром (10, с. 31).

В этом описании очевидна утрата атрибутивного характера: оно строится уже только на сопоставлениях каждого действия эпического героя туче, молнии, грому. «Потрясения природы» не в полном смысле становятся атрибутами поведения героев, скорее — они сравниваются с действиями эпических персонажей. Однако улавливается, что, по выражению А. Н. Веселовского, здесь «есть что-то, только что вышедшее из идеи тождества» (3, с. 450), пока еще ощущается, что первоначально они «были не сравнениями и оборотами, а действительными, мифически понимаемыми явлениями» (8, с. 192).

Эта мысль кажется нам весьма ценной, потому что последующие изменения анализируемых описаний выстраивают именно такую художественную конструкцию. Отсюда можно заключить, что в нартском эпосе утрата атрибутивного характера эпико-фантастического описания приводит его к превращению не в «отрицательное сравнение» или в «метафо-

рическую антитезу» (как, например, в славянской народной поэзии⁴), а в «метафорическое сравнение».

Структурно-эстетическая природа выделенных эпико-фантастических описаний, передающих реакцию природы на появление и действия эпического персонажа, находит интересные аналоги в эпическом творчестве не только кавказских, но и более отдаленных народов. Особенно показательны в этом отношении эпические произведения народов Сибири. Выделим для сравнения описание появления противников в эпическом сказании эвенков:

«Потом со всех сторон сгустились черные тучи, стали умножаться белые тучи, стали бегать взад-вперед красные тучи, в мгновение ока подул ветер, полил ливень, повалил густой снег, закружилась вихрь, загредел гром, засверкала молния... Коклодокон выскочил наружу, думая: «Что же случилось?». Оказалось, что... с нижней земли идут вдвоем два богатыря авахов»⁵ (17, с. 239).

Здесь весьма своеобразно описывается реакция природы на приход богатырей: появляются тучи разного цвета. Причем, появление противников воздействует на движение туч разнородно. И эта последовательность устойчива, такова она во всех вариантах данного типа описания. Характер уподобляемых образов (тучи, ветер, ливень, снег, вихрь, гром, молния) еще более усиливает степень фантастичности сцены появления противников.

Для выявления поэтической семантики выделенных эпико-фантастических описаний персонажей нартского эпоса мы можем привлечь еще несколько примеров описания некоторых более архаичных зооморфных образов фольклора. В частности, В. Я. Пропп, анализируя мотив змеборства, приводит ряд примеров гиперболического описания облика змея⁶. аналогичных интересующим нас описаниям типа:

«Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается» (15, с. 218).

Ср. в абхазском нартском эпосе эффект появления агулшапа (дракона):

«Как сидел (Сасрыква), вдруг агулшап (дракон) землю (букв. «мир») затряс, из воды поднялась туча» (2, с. 89).

Подобным образом описываются некоторые зооморфные покровители в китайской мифологии. Приведем, например, описание бога Цзимэна:

«У него человеческое туловище и голова дракона. Он имеет обыкновение резвиться в водовороте реки Чжан. Когда появляется или исчезает, поднимается ураганный ветер и сильный ливень» (5, с. 81).

Как видно из приведенных примеров, в эпическом творчестве самых разных языков и регионов эпико-фантастические описания сопоставимы не только по смысловому сходству, но и по словесному воплощению. Аналогичны сами конкретно уподобляемые образы землетрясения, грома, молнии, тучи, тумана, ураганного ветра, снега, града, дождя, стужи и т. д. Привлеченные примеры говорят о высокой степени устойчивости выделенного вида описаний в широком фольклорном контексте.

Как мы убедились, эпико-фантастические описания в нартском эпосе предстают как определители историко-поэтического типа изображения. Аналогичные явления прослеживаются и в других версиях нартского эпоса, в абхазских волшебнo-героических сказках, а также в более отдаленных эпических традициях древнего типа.

Выявилось, что данные описания первоначально имели атрибутив-

ный смысл применительно к демоническим персонажам. Постепенно с перенесением на другие персонажи атрибутивные описания становятся типическими местами в рамках определенного круга сказаний или всего эпоса. Утрата атрибутивного характера описания реакции природы на появление и действия эпического персонажа способствует превращению его в «метафорическое сравнение».

Примечания

¹ В. М. Гацак выделяет интересующие нас описания в качестве стадийно предшествовавшей формы художественно-стилевого приема так называемой «метафорической антитезы» (имеющей большую художественно-образительную роль в устной поэзии народов Юго-Восточной Европы). Специфика «метафорической антитезы» (В. М. Гацак), по определению А. А. Потебни, такова: «предполагается символ в виде положения или вопроса, и вслед за тем отрицается, а на место его ставится обозначаемый предмет» (14, с. 3). «Выясняется, что исторически ей («метафорической антитезы». — З. Д.) предшествовало иное эстетическое состояние, когда «потрясения природы» мыслились непосредственным свойством эпических персонажей, неременным эффектом их появления, боя между ними и т. д.» (4, с. 306).

Не случайно, очевидно, и то, что «метафорическая антитеза» в том виде, в каком она предстает в творчестве славянских и некоторых других народов, в строгом смысле слова не характерна для абхазского фольклора и, в частности, для нартского эпоса. Следовательно, эпико-фантастические описания в нартском эпосе не переходят в антитезу, не приобретают иносказательной формы.

² «Дад» — ласковое обращение старого или пожилого мужчины к людям.

³ В эпосе с ремарками сказителя встречаются также описания «богатырского удара» и «скачки богатыря».

О богатырском ударе: «Ведь это и адауы-великаны услышали, разве не услышишь такой звук» (2, с. 341).

О скачке богатыря: «Когда Нарджьюу-герой мчался на араще (коне), на небе он оставлял туман» (2, с. 322).

Интересно то, что в этом примере само описание дается в форме ремарки (отступление). Ср. с этим в адыгской версии эпоса описание скачки нарта Шауея: «Оставленный им след стал руслом реки, (потом) большим врагом, (потом) дорогой ; до сих пор в Тохтамышевском лесу есть (дорога), которую называют «дорогой», по которой приводят зятя» (12, с. 125).

⁴ См. об этом: 16, с. 101—105, 108, 110.

⁵ В эвенкийских сказаниях мы находим и другие мотивы эпико-фантастических описаний: «появление богатыря» (17, с. 73); «богатырский поединок» (17, с. 210, 232, 235, 242, 255, 256, 271); «голос богатыря» (17, с. 204, 207, 212); «скачка богатыря» (17, с. 263, 297—298). Подобно описываются в шорском эпосе следующие мотивы: «появление богатыря» (18, с. 57, 63, 67, 69, 85, 93, 115); «богатырский поединок» (18, с. 31, 47, 55, 89, 91, 105, 121, 131, 137, 149, 151); «богатырский удар» (18, с. 41, 79, 89, 101); «скачка богатыря» (18, с. 35). В алтайском эпосе «Маадай-Кара» наличествует ряд аналогичных описаний действенной персонажей: «появление богатыря» (6, с. 274—275, 279, 282, 283—284, 284—285, 286, 287—288); «скачка богатыря» (6, с. 313, 313—314, 381); «голос богатыря» (6, с. 277, 327, 356—357, 370).

⁷ Подробно об этом см.: 15, с. 216—288.

Литература

1. Абхазские сказки. — 2-е изд./Сост. Х. С. Бгажба, К. С. Шакрыл; Вступ. ст. Н. П. Андреева. — Т. I. — Сухум: Алашара, 1965 (на абхазском языке).

2. Архив Абхазского ИЯЛИ, фонд № 2, дело № 77.

3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика/Ред. вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. — Л.: Художественная литература, 1940.

4. Гацак В. М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении/История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. — М.: Наука, 1973. — С. 286—306.

5. Каталог гор и морей: Шань Хай Цзин/Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. — М.: Наука, 1977.

6. **Маадай-Кара:** Алтайский героический эпос/ Зап. текста, пер. и приложения С. С. Суразакова; Подг. тома и вступ. ст. И. В. Пухова; Отв. ред. Н. А. Баскаков.— М.: Наука, 1973.
7. **Миллер В. Ф.** Осетинские этюды.— Часть 3: Образцы южноосетинского наречия// Учен. зап. императорского Московского университета.— Отд. ист.-филол.— Вып. 7.— М., 1887.— С. 170—174.
8. **Миллер О. Ф.** Илья Муромец и богатырство киевское.— СПб., 1869.
9. Народные сказания кавказских горцев// ССКГ.— Вып. 5.— Отд. 2.— Тифлис, 1871.— С. 1—37, 47—71 (Публикация Дж. Шанаева — осет. и К. Атажукина — адыг.).
10. **Нарт Сасрык** и девяносто девять его братьев: Абхазский народный эпос/ Сост. Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба; Вступ. ст. Ш. Д. Инал-ипа; Ред. Б. В. Шинкуба.— Сухум: Алашара, 1962 (на абхазском языке).
11. **Нарты:** Абазинский народный эпос/ Сост. пер. и коммент. В. Меремкулова; Отв. ред. Ш. Х. Салакая.— Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1975.
12. **Нарты:** Адыгский героический эпос/ Сост. А. И. Алиевой, А. М. Гадагатля, З. П. Кардангушева; Вступ. ст. А. Т. Шортанова; Подгот. текстов А. М. Гадагатля, З. П. Кардангушева; Пер. А. И. Алиевой; Ред. текстов оригинала и сверка перевода М. А. Кумахова; Коммент. А. И. Алиевой, З. П. Кардангушева; Отв. ред. В. М. Гацак.— М.: Наука, 1974.
13. **Потебня А. А.** Из записок по теории словесности.— Харьков, 1905.
14. **Потебня А. А.** О некоторых символах в славянской народной поэзии.— Харьков, 1914.
15. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки.— Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986.
16. **Смирнов Ю. И.** Сходные описания в славянских эпических песнях и их значении// Славянский и балканский фольклор.— М.: Наука, 1971.— С. 95—123.
17. **Романова А. В. и Мыреева А. Н.** Фольклор эвенков Якутии/ Ред. Г. М. Василевич.— Л.: Наука, 1971.
18. **Шорский фольклор/** Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой; Отв. ред. И. И. Мещанинов.— М.; Л.: АН СССР, 1940.